

З.М. Элзович, А.М. Мумович, Д.М. Элзович

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ ЩЕРБИНА (1868–1903) В КУЛЬТУРЕ КОСОВСКИХ СЕРБОВ

В работе идет речь о гибели русского консула Григория Степановича Щербины в Митровице в 1903 г. и месте, которое данное событие заняло в памяти и культуре косовских сербов. Во время назначения Щербины на пост консула в Митровице та часть Сербии находилась под властью турок, а положение православного населения здесь было исключительно тяжелым. Его гибель тяжело далась сербскому народу в Косово, который навсегда сохранил Щербину в своей культуре и традиции, сделав символом единства сербов и русских по вопросу статуса Южной сербской провинции.

Ключевые слова: Григорий Степанович Щербина; Косово и Метохия; история; культура; поэзия; общественные памятники.

Во времена, когда сербы боролись против турок за Косово и Метохию – эту фундаментальную и мифическую веху их истории, в Митровицу прибыл русский консул Григорий Степанович Щербина. Молодой русский консул вселял в сербский народ в Косово большие надежды, но вместе с тем был и бельмом на глазу албанских экстремистов. В начале марта 1903 г. Щербина был назначен на должность консула в Косовской Митровице, куда официальная Москва решила направить этого дипломата, чтобы располагать информацией о страданиях сербов во время усиленного террора албанцев над православным населением Старой Сербии. Россия уже имела свои консульства в Скопье и Призрене, однако в начале мая 1902 г. открыла консульство и в Митровице.

Россия была обеспокоена распространением австро-венгерского влияния среди албанцев как католического, так и мусульманского вероисповедания, что серьезно нарушало установленные еще в 1897 г. отношения между Россией и Австро-Венгрией. Русское консульство в Митровице должно было обеспечить России лучшее понимание албанских движений и работы австро-венгерской пропаганды внутри них. Русские консулы в Призрене и Скопье пользовались среди сербов большим авторитетом как традиционные защитники православного населения от гнета албанцев и давления турецких властей. Обеспокоенные за свое привилегированное положение в вилайете албанцы враждовали также и между собой, они побаивались России и ее влияния на Балканах, опасаясь, что сильное русское дипломатическое присутствие в этом регионе повлияет на проведение реформ и обуздание феодальной анархии. И Австро-Венгрия с явным недовольством приняла решение России открыть консульство в Митровице, откуда с большей достоверностью могла быть отслежена ее работа среди албанцев. Под предлогом сложного обеспечения безопасности для сотрудников консульства австро-венгерская дипломатия влияла на Порту, чтобы затянуть открытие консульства в Митровице [1. С. 311]. Официально русское консульство в Митровице открылось 7 мая 1902 г., а первым консулом был назначен Г.С. Щербина – опытный дипломат, эксперт по балканским вопросам, долгое время служивший чиновником в Царьградском посольстве, бывший посланник в Цетинье и вице-консул в Скадре. В ходе службы вице-консулом в Скадре Щербина отлично выучил албанский язык и познакомился с менталитетом и полити-

ческими настроениями албанцев. В Скадре он выделялся успехами в защите сербского населения от насилия и пресечении попытки австро-венгерских агентов перевести сербское и греческое население в католических центрах северной Албании в унию. Перед отправлением в Митровицу Щербина посетил в Риме сербского посланника, заявив ему, что будет стараться защищать сербское население на выделенной ему территории, и при этом будет осторожен, особенно на первых порах, пока не утвердит свой авторитет. Затем Щербина выехал в Санкт-Петербург для получения подробных инструкций от царьградского посла И.А. Зиновьева и графа В.Н. Ламсдорфа, министра иностранных дел. После этого в конце сентября Щербина вместе с послом Зиновьевым прибыл из Санкт-Петербурга в Царьград, где был представлен султану. После аудиенции турецкий военный министр попросил Зиновьева о том, чтобы в следующие несколько недель тот не отправлял Щербину в Митровицу, пока местные албанцы не успокоятся. Зиновьев осознавал всю опасность, поэтому поездка Щербины была отложена. Сербский посланник в Царьграде Савва Груич настаивал, чтобы Щербина как можно быстрее выехал в Митровицу, подчеркивая, что с его прибытием сербский народ связывает большие надежды. Тем не менее, получив неблагоприятные новости о ситуации в Старой Сербии, Зиновьев колебался в своем намерении отправить нового консула по месту нахождения консульства. В это время в Митровице влиятельный албанский лидер Иса Болетини, раздраженный вестями о скором прибытии русского консула, открыто собирав людей, чтобы те с оружием в руках не допустили его прибытия. Одновременно с этим австро-венгерские тайные службы пытались заполучить его для своих целей, пользуясь все большим недовольством албанцев. Болетини боялся, что из-за насилия над сербами в Ибарском Колашине и подстрекательства албанцев против русского консула после прибытия последнего в Митровицу он будет интернирован в Царьград. По требованию русской дипломатии Болетини как лидер антирусских демонстраций вскоре был вынужден выехать в Царьград; и ожидалось, что после этого русский консул сразу прибудет в Митровицу. По прошествии нескольких месяцев турецкие власти убедили Болетини покинуть родные края и отправиться в своего рода интернирование в Царьград. Так были созданы условия для прибытия русского консула Щербины в Митровицу [1. С. 313].

Консул тем не менее на протяжении почти целого года никак не мог добраться до местонахождения консульства, так как албанцы взбунтовались против решения о том, что в Косово появится еще один русский консул. Сербы очень радовались этому решению и с нетерпением ждали Щербину, несмотря на то, что его безопасность в Митровице с самого начала была под вопросом. После прибытия Щербины из русского консульства в Митровице информация о страданиях сербов и о разграблении их имущества в данном регионе отправлялась в Россию. Кульминацией беспорядков со стороны албанцев, вызванных учреждением русского консульства, стало их нападение на сербов в Вучитрне, а затем и нападение на Митровицу 30 марта 1903 г. На следующий день Щербина в сопровождении охраны отправился для осмотра положения защиты Митровицы, и 31 марта 1903 г. на его жизнь совершил покушение Арбанас Ибрахим Халит. Как было записано, раненый консул допрашивал напавшего на него убийцу о мотивах его нападения, обещая смягчить приговор суда, если тот сообщит, от кого поступил заказ на убийство и кем были его соучастники. Несмотря на то, что рана не казалась такой серьезной, тем не менее 31 марта Щербина впал в лихорадку, и его состояние значительно ухудшилось. По приказу сербского короля в Митровицу был направлен доктор Войислав Суботич, самый известный в то время хирург. От полученных ран 10 апреля 1903 года Щербина скончался [1. С. 318]. Спустя годы после убийства Щербины положение сербского населения не только не улучшилось, но и стало еще более тяжелым. Отношения между сербами и албанцами становились все хуже, отмечено множество случаев насилия над сербами в Рожайской, Сьеничкой, Вучитрнской и Приштинской казе. Особенно тяжелой ситуация была в Печском регионе. Русский вице-консул в Призрене Сергей Владимирович Тухолка (1874–1954) описывал положение печских сербов как отчаянное. Многие сербы, спасаясь от насилия, бежали в Сербию. Оценивая ситуацию в Печском регионе, Тухолка считал, что речь идет о фазе полного устранения сербского элемента с этих просторов. Некоторые албанцы предлагали сербам свою помощь, помогали сербам добраться до границы Сербии, а затем захватывали их имущество. Из-за катастрофического положения сербов Тухолка настоятельно рекомендовал принять срочные меры, чтобы спасти сербский народ на данной территории. Смерть Щербины косовские сербы пережили как национальную утрату, ведь он пал в борьбе за православие и свободу сербского народа. Вся Европа знала о том, что молодой дипломат отдал свою жизнь в Косово, помогая неосвобожденным братьям от имени сильного славянского братского народа. Косовские сербы, всегда помнящие русского консула, столкнулись с новой волной албанского насилия в 1990–2000-х гг. [2. С. 174–176]. О храбрости и навсегда оставшемся в памяти русском брате – славянине Григории Щербине – в отчете с панихиды Савва Груич пишет, что сказанные, полшутя, слова Г. Зиновьева по поводу назначения Щербины в Митровицу («...сербам должны причислить его к лику святых, если его убьют арнауты») стали про-

рочеством фактически реального события. Щербина и в самом деле занял в памяти сербского народа свое место в ряду других его косовских героев. Предложение о том, чтобы воздвигнуть памятник Щербине в Белграде, вызвало большой интерес, однако после многомесячных разговоров идея не была реализована, и, к сожалению, памятник установлен не был [1. С. 320].

По причине огромного уважения, любви и потребности выразить свою благодарность человеку, отдавшему славянскую русскую кровь и жизнь за славянские сербские жизни, появился на кусочке святой косовской земли памятник русскому консулу Щербине. В эпицентре события, на месте гибели, рядом со старой железнодорожной станцией на Баире, недалеко от Митровицы, в 1928 г. сербы воздвигли первый большой памятник пирамидальной формы с изображением Щербины и надписью на бронзовой плите: «Григорий Степанович Щербина, русский консул, рожден 1868 году, погиб в 1903 году» [Там же. С. 39]. В 90-х гг. XX в. памятник Щербине перемещен из Баира на площадь перед зданием общины, а бронзовая плита памятника хранилась в храме Святого Саввы в южной части Митровицы. Кроме всех разрушенных сербских культурных объектов и самого памятника Щербине, албанцы грубо разрушили и здание русского консульства и на этом месте построили торговый центр. После войны коммунисты переместили памятник во двор музея, а албанцы во время своего сепаратистского восстания его уничтожили [3. С. 39–41]. При осквернении, разрушении и поджоге храма Святого Саввы 17 марта 2004 г. во время волны массового насилия албанцев над сербами в Косово и Метохии [4], когда из домов в присутствии сил НАТО было изгнано более 4 000 сербов, уничтожили и ту бронзовую плиту, на которой была выгравирована самая короткая биография славного консула Григория Степановича Щербины.

Смерть Щербины была ударом для сербского народа, который видел в нем персонификацию русской поддержки в деле освобождения Косово от турок. Его участие и гибель стали синонимом сербско-русского единства по вопросу Косово и борьбы за сохранение этого пространства в составе сербского государства.

Одно из первых поэтических достижений по этой теме – рефлексивно-лирическая структура Филиппа Джукановича «Серб!» [5] – может сегодня рассматриваться в: (1) *историческом контексте*, что отсылает к историческим связям и отношениям сербов и русских в прошлом и сегодня, и (2) *как художественный артефакт*, следовательно, ценность сама по себе, что подразумевает непосредственную ценность ее эстетического содержания. Она была написана в период между двумя мировыми войнами, в 1929-м году, и проникнута гимническим духом благодарных сербов, которые на территории Косовской Митровицы воздвигли памятник трагически погибшему русскому консулу Щербине.

Риторика названия указывает параллельно на *романтический* и *национальный настрой* автора, который поднимается из основ мифической и эпической косовской идеи о жертве за свободу, о чем писал Нобелевский лауреат Иво Андрич [6].

Художественная идея и энергия в первых стихах и риторике названия обращена к сербскому народу, который уже два десятилетия живет в свободной Сербии. Песня возникает, хотя и под знаком конкретного исторического события (воздвижение памятника) и памяти об исторической личности (консуле Щербине), в ауре национального самосознания: о пятивековом османском рабстве (а) и осознании ценности свободы (б).

Знаменитый сербский патриотический поэт Алекса Шангич (1868–1924) семнадцатью годами ранее в стихотворении, посвященном *«сербам, которые начали строительство церкви, храма Святого Саввы»* в Митровице, национальную и культурологическую кристаллизацию сознания обрисовал в финальном стихотворении разговорной структуры: *«Зоря сербства родилась!»*

То же сознание в исторической и поэтической плоскости свидетельствуют и подтверждают и названия книг других поэтов из Косово, которые творили в период с 1836 по 1941 г., а характерными являются значения и ценности названия *«Косовские истины»* и *«Кровавые элгии»* Филиппа Й. Джукановича или *«Награда пиона из Косово»* и *«Через искушения»* Павлимира Глиговича [7]. То счастье, что горит свеча свободы, является начальной мыслью, или образом, и первой строфы рефлексии Джукановича, посвященной русскому консулу Щербине:

Сегодня, когда считаешь часы счастья,

Пока оно растекается в твоей груди,

Пусть мысль твоя на мгновение полетит

Туда, где гордый духом Звечан возвышается [8].

В указанной плоскости энергия поэтической идеи читается как обращение художника к сербскому народу, пока он считает «часы счастья» в свободной стране. В поэтико-эстетической плоскости, на уровне поэтической и / или мифической картины, художественная идея предостерегает, что нужно обратить взгляд на древний гордый средневековый Звечан, возвышающийся на холме и являющийся символом вечности и нерушимости – веками он стоит невредимым.

Актуальная идея рефлексивно-лирического стихотворения Джукановича включает в себя и тот факт, что и сегодня, спустя почти целый век, после гонений и бомбардировки со стороны НАТО сербы борются за существование именно на рубеже у Звечана.

В качестве иллюстрации того исторического и культурологического сознания рассмотрим эпические стихотворения народного рапсода в песне *«Косанчич Иван преследует турок»*, которые освещают суть драматической диалоговой сцены Ивана Косанчича и Милоша Обилича накануне решающего боя в Косово в свете сознания героев: Все мы в соль превратимся, чтобы туркам обед не солили! В этом историческом и культурологическом контексте упоминается и древний Звечан Джукановича, который когда-то заняло оттоманское войско:

От Мрамора до сухого Явора,

От Явора, друг, до Сазли,

До Сазли к мосту полынный,

От моста до города Звечана,

От Звечана, друг, до Чечана,

От верха Чечана до гор:

Все турецкое войско заняло [9. С. 355].

Таким образом, культурологическая основа песни Джукановича весьма широка, но песня показывает ее в своей простоте и скромности.

Во второй строфе, в первых двух стихах, доминирует реалистичная картина Митровицы и ее окрестностей, где благодарные сербы воздвигнут памятник консулу, который боролся вместе с ними за свободу и расплатился за нее своей жизнью. Как Марко Краевич вознесся в сознании сербов до вершин самых легендарных героев, говоря как турецкий вассал перед битвой при Ровине в XIV в., что не жалеет отдать свою жизнь, только бы сербы победили, так и пятью веками позже русский консул Щербина обрел бессмертие, когда на сербские призывы беречь себя ответил:

«Не хотите вы моей гибели. А моя смерть принесла бы вам свободу».

После покушения на него в Митровице тогда, в эпицентре сербской исторической драмы, он также высказал легендарную мысль:

«Я – первая жертва в новой сербской истории за освобождение Старой Сербии» [3. С. 25].

Иллюстративным является текст, содержащий уже обозначенные следы истории и эпической поэзии, на что указывает символ *«тихие воды Ситницы»*, и стих, который обращается к *«благородному славянскому мужу»* в качестве доказательства единства веры сербов и русских:

Там, в тихих водах Ситницы,

Где простирается чудесная Митровица,

Где памятник возвышается, мой соплеменники,

На гробе благородного славянского мужа.

Но поэтическое ядро значения структуры находится в символах *«мои соплеменники»* и *«благородного славянского мужа»*, которыми заканчиваются последние две строки четверостишия; поэтически и эстетически они равноценны символу *«одно мгновение полетит»* из первого четверостишия.

Последнее четверостишие, устанавливает близкое отношение художника-нарратора и аудитории в знаке точно адресованных сообщений, которыми, как в ритуальном похоронном обряде, воздаются слава и признание герою – русскому консулу Щербине:

Благоговей, подойди и скинь шапку,

Не вытирай слезы, льющиеся по лицу,

Но легко рукой от сердца отпусти,

И кликни: Слава Григору Щербине!

Художественный посыл отдать честь и славу Щербине, который обладал переводческим даром и переводил албанские народные эпические песни, является поводом для возвращения к историческому контексту песни Джукановича. Она возникает в период, когда Митровица имела около 10 000 жителей и была свободной почти два десятилетия со свежими воспоминаниями о веках рабства и борьбы за свободу, за этот «знаменитый пядь земли». Как подчеркивают исследователи, исторически считалось, что тот, «кто будет владеть Косово, тот будет правителем всего Балканского полуострова» [10. С. 17]. Но сербы из Митровицы помнят трагическое прошлое и жертву Щербины; и этот феномен требует толкования и ком-

плексного объяснения, что поэт и демонстрирует логикой поэтического языка. Как и художественная структура, вся в символах и знамениях поэзии своего времени, рефлексивно-лирическая структура Джукановича очень лаконична. Ясно обозначены и закончены риторике названий: «Серб!» и финальное сообщение или призыв: «И кликни: Слава Григору Щербине!»; и этим она проверяет историческую истину. «Русские консулы в старой Сербии (Призрен, Скопье) пользовались между сербами большим уважением как традиционные защитники православного населения от арбанашского гнета и злоупотребления турецких властей», – писал Йован Хаджи-Васильевич.

Сербы в 2007 г. воздвигли на центральной площади Митровицы памятник Щербине, отлитый из бронзы, как свидетеля сербского сопротивления, чтобы не оставались они во власти тех, кто убил Щербину. Памятник русскому консулу Щербине для сербов представляет собой символ надежды, что Россия поддержит их в борьбе за территориальную целостность Сербии. Памятники Щербине в Косово несколько раз

возрождались из пепла, а повествование о нем в традициях и поэзии никогда не прекращалось.

Известно, что роль общественных памятников состоит в оказании чести, воспоминании о ком-то или о чем-то, а также интеграции в социальные, идеологические, художественные и моральные ценности пространства, которое они занимают. В соответствии с этим можно сделать вывод и о том, что памятник Щербине является знаком сопротивления проходящему и самой поддержкой коллективной памяти сербов о русском дипломате как символе надежды на русскую поддержку и помощь. Так, Щербина своим недолгим пребыванием среди косовских сербов сумел проникнуть глубоко в культуру памяти этого уязвимого сообщества, которое никогда не предаст его имя забвению. Его эпопея навсегда останется частью сербской культуры и традиции, которая сочувствовала его страданиям, но одновременно с этим была ободрена тем, что они (сербы) не одни, что на их стороне понимание и поддержка большого славянского брата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батаковић Д.Т. Погибија руског конзула Г. С. Шчербине у Митровици 1903. године // Историјски часопис. 1987. № 34. С. 309–325.
2. Аншаков Ю.П. Российская дипломатия о положении славянского населения Старой Сербии (1902–1912 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. № 3 (16). С. 170–189.
3. Вукадиновић З.Ч. Григорије Степановић Шчербина. Косовска Митровица : З. Вукадиновић, 2007. 47 с.
4. Јокић Б. Мартовски погром на Косову и Метохији 17–19 март 2004. године. Београд : Министарство културе Републике Србије, 2004. 119 с.
5. Ђукановић Ф. Србине // Српско Косово. 1929. № 4. С. 4–5.
6. Андрић, И. Његош као трагични јунак косовске мисли. Подгорица : Октоих, 1996. 73 с.
7. Богавац М. Историја српске књижевности на Косову и Метохији 1850–1941. Лепосавић : Институт за српску културу, 2004. 315 с.
8. Богавац М. Долазак из заборавља непознато књижевно наслеђе Косова и Метохије. Београд : Књижевна заједница Звездара, 1994. 123 с.
9. Ђурић В. Антологија народних јуначких песама. Београд : Српска књижевна задруга, 1973. С. 772.
10. Клаић В. Слике из словенске повијести. Загреб : Матица хрватска, 1903. С. 177.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 апреля 2017 г.

GRIGORIY STEPANOVICH SHCHERBINA (1868–1903) IN THE CULTURE OF THE KOSOVO SERBS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 141–145.

DOI: 10.17223/15617793/420/20

Zvezdana M. Elezovic, Institute of Serbian Culture (Leposavic, Serbia). E-mail: zvezdana.el@gmail.com

Ana M. Mumovic, Institute of Serbian Culture (Leposavic, Serbia). E-mail: djordj_ana@yahoo.com

Dalibor M. Elezovic, Pristina University (Kosovska Mitrovica, Serbia). E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

Keywords: Grigoriy Stepanovich Shcherbina; Kosovo and Metohija; history; culture; poetry; public monuments.

The authors carried out research on the paper topic in the framework of a research task involving the perception of the place of the historical epos of Russian consul Grigoriy Stepanovich Shcherbina (1868–1903) in the culture of the Kosovo Serbs. The objective of the paper is to show the extent to which the death of Russian consul Shcherbina in Kosovska Mitrovica was an important event in the culture of remembrance of the Serbs in Kosovo and Metohija. The research has reached a conclusion that Shcherbina's epos remained woven into the tradition and culture of the Kosovo Serbs, and for more than a century it personified the hope of the Serbs for the Russian support for the preservation of Kosovo and Metohija in the Serbian state. The basic research of the topic by the data of literature on history, literature and art, i.e. culture in general, entailed the use of analysis and synthesis, as well as logical and cognitive methods and procedures. The choice of the method was influenced by the nature of the research problem, i.e. the type and content of sources, as well as the nature of the content that was researched; thus, the historical method was applied. At the time when the Serbs fought for the liberation of Kosovo and Metohija from the Turks, Russian consul Grigoriy Stepanovich Shcherbina arrived to Kosovska Mitrovica. Albanian riots, caused by the establishment of the Russian Consulate, culminated in the attack on the Serbs in Vucitrn, and then also in the attack on Mitrovica on 30th March 1903. Shcherbina, along with his escort, went to visit defense positions in Mitrovica, and on 31st March 1903, he was assassinated by an Albanian and died of the wounds on 10th April 1903. Seriously wounded, being in the epicenter of the Serbian historical drama at the time, he said a legendary thought: "I am the first victim in the recent Serbian history for the liberation of Old Serbia." The Kosovo Serbs experienced Shcherbina's death as a national tragedy, because he fell in the struggle for Orthodoxy and freedom of the Serbian people. In the cultural memory of the Serbian people, Shcherbina indeed stood alongside the other heroes of Kosovo. His suffering occupied a place in the Serbian cultural creativity forever. A reflexive-lyrical poem of Filip Djukanovic, "A Serb", was among the first poetic achievements on this subject. It was written between the two world wars, in 1929, and it is completely marked by a hymnlike mood of grateful Serbs, who, on the periphery of Kosovska Mitrovica, built a monument to the tragically murdered Russian consul Shcherbina. Shcherbina ascended into immortality when he replied to Serbian requests to stay safe: "You, Serbs, are not so lucky to see me die. My death would bring you

freedom.” For the reasons of great respect, love, and the need to express gratitude to the man who gave his life and his Russian blood for the well-being of his Serbian brothers, a monument to the Russian consul was built on a piece of Kosovan land in 1928. The death of the Russian consul befell the Serbian people in Kosovo, who saw him as the personification of the Russian support for the liberation of the area from the Turks. His commitment and suffering became synonymous to the Serbian-Russian unity regarding Kosovo, and the fight for this region to remain part of the Serbian state. The monuments to Shcherbina in Kosovo were rebuilt from the ashes several times, and the culture of remembrance of him has never disappeared in the traditions and the historical consciousness of the Serbs. Shcherbina’s epopee was and still is an inspiration to Serbian culture and historiography. In 2007, in the central square of Kosovska Mitrovica, the Serbs built a monument to Shcherbina, cast in bronze, to witness the resistance of the Serbs and to be a symbol of hope that Russia would support them in the fight for the territorial integrity of Serbia.

REFERENCES

1. Bataković, D.T. (1987) The pogrom of the Russian consul G.S. Shcherbina in Mitrovica in 1903. *Istorijski časopis*. 34. pp. 309–325. (In Serbian).
2. Anshakov, Yu.P. (2014) Rossiyskaya diplomatiya o položenii slavyanskogo naseleniya Staroy Serbii (1902–1912 gg.) [Russian diplomacy on the situation of the Slavic population of Old Serbia (1902–1912)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 3 (16). pp. 170–189.
3. Vukadinović, Z.Č. (2007) *Grigoriy Stepanovich Shcherbina*. Kosovska Mitrovica: Z. Vukadinović. (In Serbian).
4. Jokić, B. (2004) *March pogrom in Kosovo and Metohija, March 17-19, 2004*. Belgrade: Ministry of Culture of the Republic of Serbia. (In Serbian).
5. Đukanović, F. (1929) Serbs. *Srpsko Kosovo*. 4. pp. 4–5. (In Serbian).
6. Andrić, I. (1996) *Njegoš as a tragic hero of Kosovo thought*. Podgorica: Oktoikh. (In Serbian).
7. Bogavac, M. (2004) *History of Serbian Literature in Kosovo and Metohija, 1850–1941*. Leposavić: Institute for Serbian Culture (In Serbian).
8. Bogavac, M. (1994) *Coming from the oblivion of the unknown literary heritage of Kosovo and Metohija*. Belgrade: Literary Community of Zvezdara. (In Serbian).
9. Đurić, V. (1973) *Anthology of folk heroic songs*. Belgrade: Srpska književna zadruga. (In Serbian).
10. Klaić, V. (1903) *Pictures from Slovenian history*. Zagreb: Matica hrvatska. (In Serbian).

Received: 03 April 2017